

Ищенко Оксана Владимировна, Неверов Антон Владимирович

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ МЕМУАРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII - XIX В. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В статье проведен анализ подходов к определению мемуаров в научной и учебной литературе. Выявлены разные точки зрения на специфику мемуаров как вида источников личного происхождения. Отечественные мемуары второй половины XVIII - XIX в. рассмотрены на примере мемуарного комплекса об императоре Павле I. Сделан вывод о том, что комплекс воспоминаний о Павле I типичен для указанной эпохи, имеет солидные хронологические рамки, а его изучение позволяет разнообразить сложившийся в исторической литературе образ правителя.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/6-1/20.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(68): в 2-х ч. Ч. 1. С. 81-85. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

9. Карпов А. Б. Уральцы. Уральск, 1911. Ч. 1. Яицкое войско от образования войска до переписи полковника Захарова (1550-1725 гг.). 1013 с.
10. Мякушин Н. Г. Первый Уральский казачий полк. Киев, 1899. 16 с.
11. Мякушин Н. Г. Сборник уральских казачьих песен. СПб., 1890. 315 с.
12. Мякушин Н. Г. Секретная экспедиция уральских казаков. Уральск, 1903. 35 с.
13. Паллас П. С. Путешествия по различным провинциям российской империи. СПб., 1809. Ч. I. 657 с.
14. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. 405 с.
15. Рябинин А. Д. Уральское казачье войско. СПб., 1866. Ч. 2. 108 с.
16. Сапунов Д. А. Участие казачества Урала и Сибири в присоединении Средней Азии к России (40-е – 90-е годы XIX века): дисс. ... к.и.н. Челябинск, 2001. 259 с.
17. Хорошхин А. П. Воспоминания о Хиве // Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1878. 531 с.
18. Хорошхин М. П. Геройский подвиг уральцев. Дело под Иканом 4, 5 и 6 декабря 1864 года. Уральск, 1889. 64 с.

THE URAL COSSACKS' SERVICE AT SOUTHERN AND SOUTH-EASTERN BORDERS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE XVIII-XIX CENTURIES

Dubovikov Aleksandr Maratovich, Doctor in History, Associate Professor
Volga Region State University of Service
alexadubovikov@yandex.ru

The article shows the Ural (before 1775 – Yaik) Cossacks' role in guarding the south-eastern borders of the Russian Empire in the XVIII-XIX centuries and in joining Central Asia to Russia. The author reconstructs the successive chronology of the Ural Cossacks' participation in these campaigns, their special role and high militant qualities allowing them to be justly considered the best in such campaigns. The reliable protection of the extended border line by small forces also testifies for their high military skill.

Key words and phrases: the Yaik Cossacks; the Ural Cossacks; the Kazakhs; Lower Yaik line; linear service; fortress; outpost; redanka; one third; Khiva campaigns; the Battle of Geok Tepe; the battle of Ikan.

УДК 930.2

Исторические науки и археология

В статье проведен анализ подходов к определению мемуаров в научной и учебной литературе. Выявлены разные точки зрения на специфику мемуаров как вида источников личного происхождения. Отечественные мемуары второй половины XVIII – XIX в. рассмотрены на примере мемуарного комплекса об императоре Павле I. Сделан вывод о том, что комплекс воспоминаний о Павле I типичен для указанной эпохи, имеет солидные хронологические рамки, а его изучение позволяет разнообразить сложившийся в исторической литературе образ правителя.

Ключевые слова и фразы: источники личного происхождения; воспоминания; дневники; отечественные мемуары второй половины XVIII – XIX в.; мемуарный комплекс о Павле I.

Ищенко Оксана Владимировна, д.и.н., доцент

Неверов Антон Владимирович

Сургутский государственный университет

iovfj@yandex.ru; a.v.neverov610@mail.ru

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ МЕМУАРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – XIX В. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В последние десятилетия отечественная историческая наука претерпела ряд серьезных изменений. Отход от излишнего объективизма, использование опыта «историко-антропологического поворота» зарубежных исследований сформировали ряд новых методологических подходов. Обращение к изучению истории повседневности, «микроистории», включение в исторические исследования понятия гендера повысили интерес к личности, к субъекту исторического действия. В этих условиях закономерным стало возрастание интереса к мемуарной литературе, отражающей взгляд современников на происходившие события, очевидцами которых они были.

Как особый литературно-исторический жанр мемуары появились в России на рубеже XVII-XVIII вв., когда изменения в жизни общества определили и изменения в жизни личности. Осознание себя как индивидуума в историческом пространстве побудило многих авторов взяться за перо и описать те важные, по их мнению, события, свидетелями которых они были. Исследование обширного корпуса отечественной мемуарной литературы второй половины XVIII – XIX в. предполагает классификацию его по определенным основаниям, что, впрочем, в определенной степени затруднено разнообразием подходов к определению мемуаров. Для выявления сложившейся в исторической науке терминологии следует обратиться к достижениям отечественного источниковедения. При этом интерес вызывает не только анализ подходов к определению мемуаров в научной, но и в учебной литературе, используемой для подготовки нового поколения исследователей.

Согласно общепринятой точке зрения, мемуары, наряду с дневниками и письмами, входят в состав источников личного происхождения. Известный историк Л. Н. Пушкарев определяет источники личного происхождения как сложившуюся группу источников, имеющую устойчивые общие признаки формы и содержания, возникшие и закрепившиеся в силу общности их социальных функций [18, с. 95].

Подход к определению источников личного происхождения с точки зрения теории коммуникаций характерен для учебника по источниковедению, изданного под редакцией И. Н. Данилевского. Источники личного происхождения, по мнению коллектива его авторов, – это группа видов исторических источников, функцией которых является установление межличностной коммуникации в эволюционном и коэзистенциальном целом и автокоммуникации [12, с. 467]. Деление источников личного происхождения на виды по степени участия корреспондентов в коммуникативном процессе прослеживается и в учебном пособии по методике работы с историческими источниками, изданном под общей редакцией профессора А. Г. Голикова. В соответствии с этим подходом основное отличие писем, мемуаров и дневников, входящих в состав источников личного происхождения, заключается в их ориентации на адресата: внешнего для автора письма, внутреннего – для автора дневника и подразумеваемого – для мемуариста [3, с. 80-81].

Другим вариантом разграничения источников личного происхождения стало их выделение по целевому назначению и функциональным различиям в способах достижения цели. Такой подход характерен для учебника по источниковедению, изданного под редакцией доктора исторических наук А. В. Сиренова. К источникам личного происхождения в нем отнесены воспоминания (мемуары), автобиографии, дневники, частная переписка. При этом мемуары здесь определены как письменный источник, представляющий собой написанные от первого лица воспоминания автора о минувших событиях, участником или очевидцем которых он был, а дневники – как повседневные записи мыслей и наблюдений автора о том, что он видел и пережил [10, с. 289, 301].

Анализ сложившихся в науке подходов показывает, что ряд исследователей мемуары, дневники и частную переписку рассматривают как отдельные виды исторических источников, другие ученые в составе источников личного происхождения выделяют письма и мемуары, включающие в себя воспоминания и дневники. Дискуссию относительно включения дневников в разряд мемуарной литературы в различное время поддерживали многие ученые, приводя различные аргументы в подтверждение своей точки зрения. Например, А. Г. Тартаковский признавал дневник первичной формой фиксации информации, а воспоминания – более сложной, заявляя, таким образом, об их родстве и вхождении в одну общую группу [23, с. 8]. А. С. Маджаров писал о том, что и в дневниках, и в воспоминаниях автор передает личный опыт [15, с. 43-44]. Л. И. Деревнина считала, что мемуары в широком смысле слова включают в себя дневники и воспоминания, поскольку они являются записями, описаниями событий и переживаний, которые основаны главным образом на памяти [5, с. 34, 36-38]. Эту точку зрения разделяла С. В. Житомирская, находившая сходство дневников и воспоминаний в том, что фиксация в тексте событий сегодняшнего дня – это тоже воспоминание о них [7, с. 43-44]. Как собирательный, т.е. включающий и дневники, и воспоминания, термин «мемуары» употреблен в монографии Н. П. Матхановой «Сибирская мемуаристика XIX века» [16, с. 6].

Однако не все исследователи являются сторонниками такого подхода. Например, С. С. Дмитриев утверждает, что воспоминания пишутся с прицелом на читателей, а дневникам присущ сугубо индивидуальный, доверительный характер, поэтому они представляют собой самостоятельные группы источников [6, с. 396-397]. Исследователь А. Е. Чекунова считает, что дневники фиксируют настоящее, воспоминания – прошлое, кроме того, воспоминания – это цельное произведение, с ярко выраженной композицией, и написано одновременно [27, с. 3-4].

Очевидно, что подобная разность подходов определена, в первую очередь, разной интерпретацией самого термина «мемуары», который часто используется не только самостоятельно, но и как синоним к слову «воспоминания». В словаре Брокгауза и Ефрона мемуары определены как повествования о событиях, в которых автор мемуаров принимал участие или которые известны ему от очевидцев [28]. Один из крупнейших исследователей мемуаристики А. Г. Тартаковский считал, что мемуары – это повествования о прошлом, основанные на личном опыте и собственной памяти автора [23, с. 22-23]. По нашему мнению, под мемуарами следует понимать авторские тексты, повествующие о людях и событиях современной автору эпохи, обусловленные спецификой личности и жизненного опыта их создателя и отражающие состояние общественного сознания в момент их написания.

Субъективность мемуаров, неточность передачи описываемых в них фактов долгое время заставляли историков использовать воспоминания только в сочетании с другими группами документов, зачастую уделяя мемуарам роль вспомогательного источника, необходимого для определенного оживления картины прошлого. В этом отношении следует учитывать, что мемуары и не являются хрониками событий. Их содержание обусловлено спецификой личности автора, средой, в которой они создавались, целями, которые ставил перед собой автор при их написании. Подавляющее большинство исследователей, выделяя в качестве главного признака источников личного происхождения передачу ими действительности через субъективное восприятие, видит в этом не недостаток, а возможность с их помощью произвести достоверную историческую реконструкцию прошлого. В. В. Кабанов справедливо утверждает: «Источники личного происхождения дают возможность историку изучать конкретные исторические личности с их индивидуальными особенностями, с чертами той среды, к которой они принадлежали, и той эпохи, которая их породила... Они предстают перед исследователями так, как отражались в сознании современников, и историк, лишенный этих источников, не увидел бы живой картины ушедшего в прошлое мира» [11, с. 288].

В то же время следует учитывать, что фиксированные автором воспоминания представляют собой все же литературные произведения, являясь разновидностью документальной литературы. В этом смысле они, по мнению ряда ученых, занимают промежуточное положение между историческим источником

и художественным произведением [2, с. 44]. Поэтому не следует ожидать от мемуаров строго документального отображения действительности. Забывание – естественное свойство памяти. Воспоминания, скорее, сохраняют не события, значимые для истории, а значимые для самого мемуариста, причем не так, как они происходили, а как они были им восприняты. Изучение мемуаров позволяет исследователю взглянуть на события прошлого глазами современника, увидеть в нем реальные элементы быта и нравов эпохи, наполнить образы исторических деятелей уникальными чертами.

Проецируя указанные точки зрения на отечественную мемуарную литературу, следует отметить, что в XVIII в. составление мемуаров считалось сокровенным делом автора, важным для удовлетворения его личных духовных потребностей, его детей, наследников, но не выходящим за пределы фамильно-родового или дружеского круга. В связи с этим русские мемуары XVIII в. почти не публиковались [10, с. 294]. В этих условиях и воспоминания, и дневники оставались известными слишком малому числу читателей. Их авторы изначально не рассчитывали на то, что произведения окажутся доступными широкому кругу адресатов, поэтому воспоминания и дневники обеспечивали, в первую очередь, автокоммуникацию, что позволяет отнести их к общей группе мемуарных источников.

Рассмотреть отечественные мемуары второй половины XVIII – XIX в. можно на примере мемуарного комплекса об императоре Павле I. Долгое время изучение государственной деятельности и личных характеристик Павла Петровича было затруднено в основном в связи с нежеланием властей выносить на суд общестественности подробности убийства императора в ходе дворцового переворота. Публикацией интересных для исторического сообщества и широкого круга читателей исторических источников в XIX в. занимались два крупнейших исторических журнала – «Русская старина» и «Русский архив». Но события 1801 г., по мнению правящей династии, не должны были освещаться в общедоступных изданиях, и в 1870 г. с редакторов журналов была взята подписка, что в периодической печати под их руководством не будет печататься ничего, что касается некоторых фактов из русской истории конца XVIII – начала XIX в., причем, в первую очередь, речь шла об убийстве императора Павла I [14, с. 67]. Подобные запреты были сняты только на рубеже XIX–XX вв.

Содержание обширного мемуарного комплекса, посвященного императору Павлу I и включающего в себя не менее 27 выявленных на сегодняшний день текстов, можно классифицировать по роду занятий их авторов и степени осведомленности об описываемых событиях. Основными группами авторов мемуаров о Павле I были придворные служащие, военные, государственные деятели, российские дипломаты. Другим основанием для выделения групп воспоминаний в составе мемуарного комплекса является время их создания: самые ранние воспоминания о Павле Петровиче относятся к 1760-м годам, т.е. периоду детства будущего императора, а самые поздние – к последней четверти XIX в. Различаются воспоминания и по направленности авторского текста. Ряд из них носит характер автобиографии, другие воспоминания биографичны. Кроме того, на содержание воспоминаний влияли такие характеристики их авторов, как пол, возраст, происхождение, способность к литературной деятельности и др.

В общем количестве мемуаров о Павле I дневники представляют очень немногочисленную группу (достоверно установлено лишь 2 из них), что еще раз подтверждает возможность объединения воспоминаний и дневников в общую группу мемуарных источников. Из 25 выявленных воспоминаний 9 посвящены личности Павла Петровича и событиям, происходившим при его участии. В этих мемуарах рассказчик находится как бы в стороне от происходивших событий и представлен в роли наблюдателя. Таковыми являются воспоминания И. Н. Лапотникова, А. М. Тургенева, Л. Н. Трефолева, Ф. В. Ростопчина, Ф. Н. Голицына, А. Б. Куракина, М. А. Фонвизина, А. С. Шишкова и И. В. Лопухина [4; 8; 13; 17, с. 106-107; 21; 24-26]. В ряде других воспоминаний монарх выступает как одна из персон, оказавшихся в поле зрения автора, центральное же место в них отведено жизни и судьбе самого мемуариста. К таким воспоминаниям-автобиографиям можно отнести мемуары А. Н. Вельяминова-Зернова, Н. А. Саблукова и Н. О. Котлубицкого [1, с. 7-68, 137-158; 19].

Интерес к фигуре монарха, отразившийся в солидном мемуарном наследии, обусловлен тем, что император являлся личностью противоречивой и неоднозначной для современников. Портрет императора Павла I, написанный авторами мемуаров, наполнялся теми или иными красками в зависимости от личных представлений сочинителей об идеалах государства, отношении к личности правителя и проводимой им политике, а также от отношения к ним самого императора.

Написанные во второй половине XVIII – XIX в. воспоминания о Павле I содержат разнообразные оценки личности и деятельности императора, существенно дополняя образ, сложившийся в исторической литературе. Так, большинство мемуаристов отмечало хорошее воспитание и образование правителя, его умение вести себя в обществе. Например, дипломат А. Б. Куракин, описывая пребывание Павла Петровича с супругой в Париже, отмечал, что «их императорские величества весьма ласковы, благовоспитанны и приветливы» [17, с. 106-107]. Фрейлина Д. Х. Ливен подчеркивала, что император обладал прекрасными манерами, был очень вежлив с женщинами, и все это «запечатлевало его особу истинным изяществом и легко обличало в нем дворянина и великого князя» [9, с. 174]. Ф. Н. Голицын указывал на отменное образование императора и знание им современных политических теорий [17, с. 41-51]. Указанные характеристики вполне логичны, поскольку Императорский Дом не мог не обеспечить достойное образование и воспитание единственному законному наследнику престола и надежде династии Романовых.

В то же время многие мемуаристы описывали Павла как вспыльчивого, непостоянного, подозрительного и раздражительного человека, обладавшего сложным характером. Но одновременно авторы воспоминаний зачастую поступали как И. В. Лопухин, который, отмечая негативные стороны характера императора, тут же

оправдывал Павла Петровича, называя множество внешних факторов, которые повлияли на становление его личности [8, с. 74-75]. А. А. Башилов утверждал, что главным мотивом жестких действий императора стало несоблюдение порядка, законности, а большего от своих подчиненных Павел I и не требовал [17, с. 111-123].

Некоторые авторы отмечали склонность императора к деспотизму, боязнь им революционных идей, которая приводила к странным для петербургского общества поступкам. Отметим, что традиционная точка зрения о преобладании в обществе мнения о Павле I как о «царе-безумце» в мемуарах не прослеживается. Даже воспоминания, написанные во второй половине XIX в., не содержат прямых сведений о безумствах и деспотизме императора.

Субъективность мемуаров определена влиянием личности и рода занятий автора на содержание воспоминаний. Так, например, придворные служащие большое внимание в своих сочинениях уделяли дворцовому быту, атмосфере при Высочайшем дворе. Фрейлины Алымова, Муханова и Ливен обращали особое внимание на человеческие качества Павла Петровича [9; 17, с. 163-165; 20], что вполне соответствует женскому восприятию событий, в то время как паж А. Башилов оценивал качества императора как политика [17, с. 111-123].

В воспоминаниях военных прослеживается другая тенденция: отношение мемуариста к монарху и в целом концепция его произведения зависели от успешности прохождения службы. Так, офицер А. Н. Вельяминов-Зернов ушел в отставку сам, боясь опалы, и, находя достойные личные качества монарха, все же скептически отнесся к Павлу I как правителю, в то время как Н. А. Саблуков и Н. О. Котлубицкий положительно отзывались о Павле Петровиче в своих мемуарах, поскольку пользовались благосклонностью монарха и имели возможность продвинуться по карьерной лестнице [Там же, с. 92, 142-144, 172]. Однако те представители гвардии, которые принимали участие в дворцовом перевороте 1801 г., пытались в воспоминаниях оправдать свои действия путем создания негативного образа убитого императора. Очевидно, что участие или наблюдение за процессом подготовки и проведения дворцового переворота стало стимулом к написанию мемуаров для таких деятелей, как А. Ф. Ланжерон, П. И. Пален, Н. А. Саблуков, Н. О. Котлубицкий, А. В. Вельяминов-Зернов и др. [1]. Мемуары современников полны лицемерного негодования по поводу свершившегося 11 марта 1801 г. кровопролития. Но убийство в них осуждалось лишь с точки зрения христианской морали, а о том, что именно Павел I пал жертвой насилия, не жалел почти никто [22, с. 59].

Изучение мемуарного комплекса, посвященного российскому императору Павлу I, позволяет сделать вывод о том, что он, будучи обширным по составу и разнообразным по роду занятий мемуаристов, занимает достойное место в ряду отечественных мемуаров второй половины XVIII – XIX в. На протяжении многих лет авторы воспоминаний и дневников создавали их для себя и своих потомков, не рассчитывая на публикацию. Имея не строго научную, а литературную форму, мемуары тем не менее сохранили очень важные для исследователей детали, позволяющие создать более полный портрет Павла I и его эпохи.

Список литературы

1. **Время Павла и его смерть. Записки современников и участников события 11 марта 1801 г.:** в 2-х ч. / сост. Г. Балицкий. М.: Русская быль, 1908. Ч. 1. 160 с.
2. **Галуцкая Д. М.** Проблема изучения мемуаров в отечественной исторической мысли // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2006. Т. 148. Кн. 4. С. 36-47.
3. **Голиков А. Г., Круглова Т. А.** Методика работы с историческими источниками: учеб. пособие для студ. учреждений высш. образования. М.: Издательский центр «Академия», 2014. 224 с.
4. **Голицын Ф. Н.** Записки // Русский архив. 1874. Кн. 1. Вып. 5. Стб. 1271-1336.
5. **Деревнина Л. И.** О термине «мемуары» и классификации мемуарных источников (историография вопроса) // Вопросы архивоведения. 1963. № 4. С. 32-38.
6. **Дмитриев С. С.** Воспоминания, дневники, частная переписка // Источниковедение истории СССР: учебник / под ред. И. Д. Ковальченко. М.: Высшая школа, 1973. С. 396-401.
7. **Житомирская С. В.** Вопросы научного описания рукописных мемуарных источников // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 43-51.
8. **Записки из некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника и сенатора И. В. Лопухина, составленные им самим.** Лондон, 1860. 221 с.
9. **Из записок княгини Ливен** // Царевубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1907. С. 171-201.
10. **Источниковедение:** учебник для академического бакалавриата / Е. Д. Твердюкова [и др.]; под ред. А. В. Сиренова. М.: Юрайт, 2015. 396 с.
11. **Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика:** учебник / А. К. Соколов, Ю. П. Бокарев, Л. В. Борисова и др. М.: Высш. шк., 2004. 687 с.
12. **Источниковедение: теория, история, метод, источники российской истории:** учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2004. 701 с.
13. **Лапотников И. Н.** Император Павел I и старообрядцы // Русская старина. 1878. Т. 22. № 5. С. 173-176.
14. **Леонтьева О. Б.** «Трудно быть императором»: император Павел I в исторической памяти рубежа XIX-XX вв. // Вестник Самарского государственного университета. Серия 4. История. 2012. № 8/1 (99). С. 66-70.
15. **Маджаров А. С.** К вопросу о классификации мемуаров по истории КПСС // Вестник ЛГУ. 1976. № 8. История, язык, литература. Вып. 2. С. 43-49.
16. **Матханова Н. П.** Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. 551 с.
17. **Павел I без ретуши:** антология / сост., предисл., коммент. Е. И. Лелиной. СПб.: Амфора, 2010. 415 с.
18. **Пушкарев Л. Н.** Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.: Наука, 1975. 281 с.

19. Рассказы генерала Котлубицкого о временах Павла I, изложенные А. И. Ханенко // Русский архив. 1912. Кн. 2. Вып. 8. С. 509-538.
20. Ржевская (Алымова) Г. И. Памятные записки Глафиры Ивановны Ржевской // Русский архив. 1871. Кн. 1. Вып. 1. Стб. 1-52.
21. Росточин Ф. В. Последний день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствования императора Павла I // Архив князя Воронцова. М., 1876. Кн. 8. С. 158-174.
22. Сорокин Ю. А. Павел I // Вопросы истории. 1989. № 11. С. 46-59.
23. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: от рукописи к книге. М.: Наука, 1991. 288 с.
24. Трефолев Л. Н. Путешествие императора Павла по Ярославской губернии // Русский архив. 1870. Изд-е 2-е. М., 1871. Стб. 298-326.
25. Тургенев А. М. Записки Александра Михайловича Тургенева. 1772-1863 // Русская старина. 1889. Т. 62. № 4. С. 183-220.
26. Фонвизин М. А. Записки Михаила Александровича Фонвизина // Русская старина. 1884. Т. 42. № 4. С. 31-66; № 5. С. 281-302.
27. Чекунова А. Е. Русское мемуарное наследие второй половины XVII – XVIII вв.: опыт источниковедческого анализа. М.: Рос. унив. изд-во, 1995. 134 с.
28. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона [Электронный ресурс]. URL: <http://slovar.cc/enc/brokhauz-efron2/1914715.html> (дата обращения: 17.02.2016).

DOMESTIC MEMOIRS OF THE SECOND HALF OF THE XVIII – THE XIX CENTURY AS A HISTORICAL SOURCE

Ishchenko Oksana Vladimirovna, Doctor in History, Associate Professor

Neverov Anton Vladimirovich

Surgut State University

ioyfu@yandex.ru; a.v.neverov610@mail.ru

The article provides an analysis of approaches to defining memoirs in scientific and educational literature. The authors identify different viewpoints on the specifics of memoirs as a type of the sources of personal origin. The domestic memoirs of the second half of the XVIII – the XIX century are examined by the example of the collection of memoirs about the Emperor Pavel I. The paper concludes that the collection of memoirs about the Emperor Pavel I is typical for the mentioned epoch, has a wide chronological framework and its studying allows diversifying the adopted in historical literature image of the ruler.

Key words and phrases: sources of personal origin; memories; diaries; domestic memoirs of the second half of the XVIII – the XIX century; collection of memoirs about the Emperor Pavel I.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются тенденции, имевшие место в структуре и содержании образования в школах США на рубеже XIX-XX веков. Авторы выделяют основные этапы обучения в США того периода, представляют анализ первого единого учебного плана 1893 г. Сделан вывод, что в конце XIX века в структуре образования существовала преемственность этапов обучения, а содержание отличалось практической направленностью. Отмечена положительная роль тематических уроков.

Ключевые слова и фразы: структура и содержание школьного образования; этапы обучения; Национальная ассоциация образования; единый учебный план; дисциплины практической направленности; тематические уроки.

Йованович Тамара Георгиевна, к. пед. н., доцент

Волгоградский государственный технический университет

jovanovic.tamara@yandex.ru

Егоров Владислав Викторович, к.и.н.

Волгоградский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации

Vlad-negoro2011@yandex.ru

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В АМЕРИКАНСКИХ ШКОЛАХ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ

Конец XIX века отмечен появлением инновационных тенденций в школьной педагогике США. Школьная система все шире начала использовать при обучении неисчерпаемые возможности индивидуальности человека. Существенно менялись цели, содержание и методы обучения, методология педагогической науки. Намечился поворот к психологическому обоснованию учебно-воспитательного процесса. Зарождались новые теории социального воспитания, созвучные своему времени. Следует отметить, что преобразования в содержании образования школьной системы США происходили в условиях больших социальных изменений.